

Aleksiej Dmitrowskij

Славянский триптих : (200-летию Ф. И. Тютчева и 170-летию Яна Неруды)

Acta Polono-Ruthenica 8, 41-49

2003

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Aleksiej Dmitrowskij
Katedra Literatury Rosyjskiej
Państwowy Uniwersytet w Kaliningradzie

**Славянский триптих.
К 200-летию Ф.И. Тютчева и 170-летию Яна Неруды**

Нынешний 2003 г. означен 200-летним юбилеем великого русского лирика Фёдора Ивановича Тютчева и кануном 170-летия великого чешского поэта и прозаика Яна Неруды. Они принадлежали к разным поколениям – один восточнославянского, другой западнославянского мира, но были современниками и одинаково свидетелями, участниками, певцами общеславянского освободительного движения, причём на его важнейшем рубеже, приведшем в результате последовавшей Русской войны 1877-1878 гг. уже за пределами жизни Тютчева, к освобождению юго-западных славян от турецкого ига. Славянские патриотические мотивы поэтически типизировались в произведениях их совместного политического и философско-исторического течения и в общей стилистике возвышенноутверждающего пафоса, причём 1867 г. ознаменовался их наиболее близкими типологическими схождениями, наглядно свидетельствующими свойство русско-чешской поэтической интертекстуальности. Этому способствовали как их предельно близкие взгляды на содержание и цели общеславянского движения, так и некоторые важные международные события.

В мае 1867 г. в России состоялся Славянский съезд, которому оба поэта независимо друг от друга посвятили глубоко значимые стихи. Неруда – стихотворение *Заря с Востока* („О человечество!“), Тютчев – два стихотворения: *Привет вам задушевный, братья* и *Они кричат, они грозятся* – с одноименным обращением в заглавиях „Славянам“. Причём второе стихотворение Тютчева и стихотворение Неруды имели ещё дополнительный общий повод. Это участие делегатов съезда в Этнографической выставке в Москве.

Так непреднамеренно возникло и сложилось редкостное в мировой литературе явление, своеобразный Славянский западно-восточный триптих, представляющий собой, согласно теории Г.Н. Поспелова, особое жанровое явление национально-исторической лирики¹. Триптих, объединённый как внешним поводом создания, „случаем”, так и, главное, общей жизненной проблематикой, сказавшейся в высокой степени концептуального сходства, при сохранении особенностей и аспектов западно-славянского и восточнославянского взгляда на содержание и цели движения, а также – в поэтической композиции и речи.

Эти стихи Тютчева и Неруды не привлекали большого внимания исследователей обеих сторон. К.В. Пигарев, отзываясь обобщённо о творчестве Тютчева 60-х – начала 70-х годов, где „преобладают стихи на политические темы”, утверждал, что они „нередко писались как бы по обязанности, что – по мнению исследователя – оправдывает частое отсутствие в них подлинного вдохновения”². В.В. Кожинов также увидел в соответствующих стихах поэта лишь „зарифмованные лозунги или краткие публицистические статьи в стихах”, добавив к тому же, что „их собственная художественная ценность весьма невелика”³. Определённый повод для подобных оценок дал сам поэт, назвав стихотворение *Они кричат, они грозятся* изданием „довольно ничтожных стихов” и даже проявлением „своего пустозвонного безделья”⁴.

Но известно, что самооценки художников не всегда оказываются научно и общественно адекватными, а главное, названные стихи Тютчева и Неруды представляют особый жанр политической лирики, располагающий собственной (что не всегда учитывается) поэтикой семантической однозначности, внутренней императивности и конкретной общественной функциональности, где высота поэтического вдохновения обретает альтернативу глубины мировоззренческого убеждения. Эти стихи, имея, как правило, конкретный повод общественной жизни и внешнюю задачу, выступают винстру-

¹ См.: Г.Н. Поспелов, *Проблемы исторического развития литературы*, Москва 1972, с. 237-238.

² К.В. Пигарев, *Ф.И. Тютчев и его время*. Москва 1978, с. 182.

³ В. Кожинов, *Тютчев*. Москва 1988, с. 451-452.

⁴ Ф.И. Тютчев, *Лирика*, Москва 1965; *Приложения*, т. 2, с. 392.

ментальной функции и потому ориентированы по преимуществу на интеллектуальное и сугубо злободневное восприятие.

Именно политическая лирика составляет такое литературное явление, где, по определению В.М. Жирмунского, „художественные цели объединяются с целями общественными“⁵ и поэзия, таким образом, оставаясь собою, вместе с тем наиболее далеко выходит за пределы себя, становясь прямым орудием общественно преобразующего воздействия. Причём в политической лирике, исходно пребывающей в параметрах искусства, поэт актуализирует в себе традиционные свойства пророка, а сами стихи в дальнейшем, оставаясь безусловными памятниками художественно-политического мышления своего времени, обретают в своих философско-исторических парадигмах новую и даже возрастающую актуальность. И всё это характерно для Славянского триптиха Тютчева и Неруды. Отметим также попутно, что оба стихотворения Тютчева, будучи особенно показательными в качестве стихов „на случай“, выступили ещё в особой культурологической функции, поскольку стихотворение *Привет вам душевный, братья* было прочитано автором 12 мая 1867 г. на банкете Дворянского собрания в Петербурге в честь Славянского съезда, а второе – *Они кричат, они грозятся* поэт прочитал 21 мая на банкете в Москве в честь славянских гостей, прибывших на Этнографическую выставку.

Однако „случай“, то есть Славянский съезд, выступает у Тютчева в разных текстовых функциях. В первой медитации он входит в текст в качестве его образующего мотива. Это два перифрастических оборота: „братья со всех славящины концов“ и „семейный пир“, – которые затем развёртываются целым рядом также перифрастических обозначений славянства: „народ единый“, „единой матери сыны“, „братья мы родные“, „славянская семья“, „славянское самосознание“, „опально-мировое племя“. Во втором стихотворении Тютчева и в стихотворении Неруды „случай“ выступает лишь в качестве повода к гражданско-лирическому высказыванию, не входя в него предметно-композиционно, т.е. оставаясь в дискурсе, но за пределами текста.

⁵ В. М. Жирмунский, *Введение в литературоведение*, Санкт-Петербург 1996, с. 206.

Будучи, по терминологии Г.Н. Пospelова, произведениями отвлечённой рефлексии⁶, стихи Неруды и Тютчева, образующие триптих, отличаются свойством смысловой концептуальности при высокой степени идейно-тематической общности. Конкретно, это настоятельный призыв к общеславянскому самосознанию и самоутверждению в своём внутреннем устройстве и в определении своей роли в мировом историческом процессе. И все три стихотворения выступают по своей адресной функции в жанре послания с ярко выраженной интонационной характерностью устной разговорной речи, но в разных масштабах психологической энергетики. Стихотворение Неруды и стихи Тютчева в последовательности их написания выстраиваются как бы по нисходящей линии интонационно-речевого напряжения. Показательно, что стихотворение Неруды и первое стихотворение Тютчева одинаково начинаются обращениями, но в разных пространственных и временных свойствах. У Неруды это обращение ко всему человечеству в универсальных масштабах от сотворения мира до современности. У Тютчева – обращение к посланникам славянских народов. И в связи с этим у Неруды речевая интонация последовательно ораторская, а у Тютчева – камерная интонация приветственной беседы.

Второе стихотворение Тютчева *Они кричат* имеет ещё и вторую внешнюю мотивировку, причём международно-дипломатическую. Ею стала антиславянская эскапада австрийского министра иностранных дел Бейста, вынесенная поэтом в эпитафию стихотворения: *Man muß die Slaven an die Mauer Drücken*. Иронический пафос стихотворения обеспечивается травестированием концепта „стены”, как места смертной расправы и средства безусловно надёжной защиты, и образа „богатырей”, применительно к западным интервентам. Стихотворение отличается своим полемическим построением, а его откровенный сарказм обеспечивается совмещением приёмов возвышенной лексики с разговорной в предельных эмоционально отрицательных значениях.

Что же касается жанровой характерности триптиха по признаку проблематики, то стихотворение Неруды, философско-историческое в его сугубо конкретной политической актуальности, и стихи

⁶ См.: Г.Н. Пospelов, *Лирика среди литературных родов*, Москва 1976, с. 68.

Тютчева, как явления непосредственно политической лирики в их широком философско-историческом звучании, органически совмещают в себе свойства оды и инвективы, а в стихотворении *Они кричат* – ещё и сатиры. Предмет одического воспевания и прославления у обоих поэтов – славянство в его исторической ретроспекции и в жизненной перспективе. Объект обличительной отповеди во всех трёх случаях – западный мир с его агрессивной политикой в отношении славян.

У Неруды славянство осмысливается в своей исходной родовой целостности и вне национального деления. В этом отношении он следует Гердеру в его *Идеях к философии истории человечества*⁷ и Мицкевичу – в его первой лекции по Славянским литературам.⁸ Тютчев, напротив того, разделяет задачи западных славян и восточных, то есть России, акцентируя историческую роль своей страны как оплота всего славянства в борьбе за независимость против австро-германского засилья, и в этом отношении он наследует Пушкину в стихотворениях *Клеветникам России* и *Бородинская годовщина*. В то же время трактовка стихотворения Неруды как веры в то, что „русский народ окажет поддержку в национальной борьбе чехов за своё освобождение”, высказанное А. Соколовой⁹, текстуально не подтверждается, ибо Восток у Неруды, представляющийся как славянский мир в целом, в целом же противопоставляется человеческой „ночи”, подразумеваемого Запада. Здесь славянский Восток выступает носителем естественных человеческих свойств, олицетворяемых в первую очередь свободой, противопоставляемой „насилию и гнёту”, „пресыщенности и нищете”¹⁰, то есть социально извращённому миру классового неравенства.

Сложную и богатую картину представляет генезис философско-исторических идей Неруды. Их глубинный пласт образует античный миф о „золотом веке” (Гесиод *Труды и дни*, Овидий *Метаморфозы*): „Волны людские, спокойные прежде, Мирно о счастье и радости пели”. Второй пласт – это Ветхозаветное откровение о сотворении человека в его божественном подобии и о грехопадении,

⁷ См.: И.-Г. Гердер, *Идеи к философии истории человечества*, Москва 1977, с. 470-472.

⁸ См.: А. Мицкевич, *Собрание сочинений*, Москва 1954, т. 4, с. 128-134.

⁹ А. Соколова, *Примечания* [в:] Я. Неруда, *Стихотворения*, Москва 1975, с. 478.

¹⁰ Стихотворение *Заря с Востока* цитируется в переводе Н. Асеева.

приведем к появлению Каина, „родоначальника злобы”: „Братоубийства и рабства орудья Каин извлёк из змеиной утробы”. Третья философско-историческая позиция Неруды – это просветительская убежденность в торжестве человека и возвращении человечества к своему естественно-благодатному состоянию в идеалах, перекликающихся со знаменитой триадой Великой французской буржуазной революции: „День этот – против безумья богатства, Днём этим встанет весь мир, осиян Светом свободы, довольства и братства”.

Четвёртая позиция Яна Неруды собственно исторического порядка. Это мысль о беспощадных войнах, которые вели силы „ночи” в целях порабощения и прямого истребления славян: „Вы в него грязною пеной плевали, Думали племя его извести. Вы его корни, кипя, подрывали; Вы его стебли сметали с пути”. Пятая позиция поэта – Новозаветная. Это обращение к антиславянским силам с призывом к покаянию и выражение готовности славянства к прощению и сотрудничеству на новой исторически справедливой основе: „В грудь ударяйте себя кулаками, Кайтесь! Пусть слезы польются из глаз! Светоч славянства перед веками Нынче ходатаем будет за вас!” И наконец, шестая идеологическая позиция поэта – оратора и пророка, как развитие третьей, просветительской, перекликается с *Коммунистическим манифестом* К. Маркса и Ф. Энгельса 1848 г. – о достижении на земле справедливого общественного устройства, подлинного „дня”: „День этот против насилия и гнёта, Против пресыщенности и нищеты, Против того, чтобы страх и забота С детства людей искажали черты”. Носителем идеи и гарантом реального возвращения человечества к самому себе, к само-созиданию и творчеству в новых условиях, по мысли Яна Неруды, становится славянство: „Если славянство встало на страже, Кто нарушителем мира ни будь, Как бы он ни был хитёр и отважен, – грудь разобьёт о славянскую грудь”.

Не нам упрекать и тем более обвинять чешского гения в „панславизме” и прочих воображаемых грехах. Он создал подлинный гимн славянству, причём не только в проблематике, но и по жанровой структуре¹¹. Сейчас Международная Славянская Академия наук, образования, искусств и культуры и Славянский Комитет России

¹¹ Подробнее см.: С. Михалков, А. Дмитриевский, *Три гимна в XX веке*, Калининград 2003, с. 45.

объявили конкурс на создание текста Славянского гимна на музыку из финала 5-й симфонии Чайковского. Текста, отражающего идеи „славянского достоинства и единства”¹². Думается, что в указанном конкурсе нет необходимости, ибо соответствующий текст, созданный Яном Нерудой, существует уже 136 лет. Необходима лишь его общественная актуализация.

Существенные различия и взаимодополнения в стихах Неруды и Тютчева видятся в том, что у первого славянское единство – это философско-историческая данность, а у второго – это только историческая возможность и насущная необходимость как условие славянского самоспасения и возрождения. Просветительскому оптимизму Неруды и его романтическому пафосу утреннего рассвета как символа свершающейся свободы славянства и всего христианского мира противостоит глубокая драматическая рефлексия Тютчева – политика и дипломата, где страстный призыв к славянскому единению нерасторжим с реалистическим осознанием его отдалённости и даже проблематичности. „Опально-мировое племя, – обращается Тютчев к славянству, – Когда же будешь ты народ? Когда же упразднится бремя Твоей и розни, и невзгод, И грянет клич к объединенью, И рухнет то, что делит нас?” При том у Неруды доминанта общеславянского движения – это свобода, а у Тютчева – любовь и дружба. И если у Неруды уверенность в славянском возрождении ассоциируется с природным явлением необходимо в положенное время наступающего рассвета, то у Тютчева она переносится в поэтически-сакральную сферу: „Он жив – верховный Промыслитель, И суд его не оскудел”, – то есть становится предметом упования и стремлений. Упоминаемые Тютчевым исторически знаковые имена Косова поля и славянской истории Белой горы свидетельствуют о его поэтическом осознании в двойной драматической оппозиции: славянство и Восток, славянство и Запад, – что также восходит к Гердеру. Но реализм поэтической мысли Тютчева сказывается ещё и в том, что в самом общеславянском движении он видит „позор немалый”, т.е. измену общему делу, причём мотив предательского поцелуя приобретает здесь как бы возвратное действие в наградном лобзании самого Иуды врагами славянства. И оба поэта фактически сходятся в передаче исторической вины

¹² См.: „Советская Россия”, 21 ноября 2002 г.

и ответственности Запада перед славянством поэтическими средствами сакрального звучания. Русский поэт пишет: „При неоступном вспоминанье о длинной цепи злых обид Славянское самосознание, Как Божья кара, их страшит”. К покаянию перед славянством, как уже выяснено, призывает Запад чешский поэт.

Но на пути к славянскому единению Тютчев провидит ещё „много жертв и горя много”. Тютчев уже тогда распознал порочное свойство западноевропейской политики, которое в наше время получило обозначение „двойных стандартов”. Поэт назвал эту политику „двойной правдой” и обвинял Запад в „науке фарисейской”, при которой „Для них – закон и равноправность, Для нас насилье и обман”.

Образовавшийся уникальный поэтический триптих, по авторству русско-чешский, по мотиву создания съездовский, по проблематике общеславянский, по поэтике императивно-говорной в соединении жанровых свойств идейно-эмоционального утверждения и отрицания, может читаться и в русско-чешской, и в чешско-русской последовательности. Пользуясь теорией лирической композиции Л. Я. Гинзбург¹³, можно наблюдать как в первом случае образуется индуктивное построение с общим движением поэтической мысли от конкретных фактов славянского исторического самосознания к заключительным максимам всемирно-исторического охвата. Во втором случае возникает дедуктивная композиция – от самого общего романтически максималистского утверждения к его реалистической конкретизации. Но в обоих случаях Славянский триптих Тютчева – Неруды воспринимается сейчас в непосредственной актуальности, которую, вероятно, наиболее кратко выразил Председатель Польского Славянского комитета Б. Тейковский в Заявлении 30 сентября 2000 г. в Софии: „Славяне всех стран – соединяйтесь!”

¹³ См.: Л. Гинзбург, *Литература в поисках реальности*, Ленинград 1987, с. 89-90.

Streszczenie**Słowiański tryptyk.
200-lecie Fiodora Iwanowicza Tiutczewa
i 170-lecie Jana Nerudy**

W artykule omówiono twórczość Fiodora Tiutczewa i Jana Nerudy w kontekście kształtowania się świadomości słowiańskiej. Zdaniem autora, problemy poruszane przez tych poetów wciąż pozostają aktualne, zwłaszcza na tle współczesnych procesów społeczno-politycznych w Europie.